
СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

МЕЛОЧИ О ПУШКИНЕ

1. О датировке стихотворения «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»)

Надпись к портрету Жуковского стала первым из написанных по окончании Лицея стихотворений Пушкина, появившимся в печати. Оно было опубликовано в июльской книжке журнала «Благонамеренный» 1818 г.¹ Публикации предшествовало чтение

---

¹ Благонамеренный. 1818. Ч. 3, № 7. С. 24 (выход в свет 20 августа 1818 г., см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 138). После прекращения журнала В. В. Измайлова «Российский музей», последний номер которого с пушкинским стихотворением «Измены» (№ 12 за 1815 г.) вышел в свет 12 февраля 1816 г., Пушкин, не имея, видимо, никаких связей с журналами, стихов в печать не отдавал. Весной 1816 г. он отправил три стихотворения в «Вестник Европы» (см. сообщение об этом в письме А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 г. — Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 191), но они были отвергнуты редактором журнала М. Т. Каченовским (см.: АПСС. Т. 1. С. 749, примеч. к стихотворению «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»). Возможность печататься вновь появилась у Пушкина летом 1817 г., когда в Петербурге начал выходить журнал «Северный наблюдатель», одним из издателей которого был П. А. Корсаков, брат лицейского товарища Пушкина Н. А. Корсакова. Вероятно, еще из Лицея Пушкин послал Корсакову пять своих стихотворений — «Певец», «Эпиграмма на смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет...»), «К ней» («Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку...»), «Послание Лиде» и «Пробуждение», — напечатанных в «Северном наблюдателе» в июле—декабре 1817 г. «Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку», — писал Пушкин П. А. Корсакову в конце сентября 1836 г., обращаясь к нему с просьбой о цензуровании «Капитанской дочки» (XVI, 161). Еще три лицейских стихотворения — «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», «Безверие» и отвергнутый в свое время Каченовским «Гроб Анакреона» — были напечатаны В. Л. Пушкиным без ведома автора в первой половине 1818 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете».

стихотворения в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств на заседании 27 июня.² Стихотворение в последующие годы Пушкиным дорабатывалось. Кроме заглавия («Надпись к портрету В. А. Жуковского») первоначальный журнальный вариант и текст прижизненных сборников 1826 и 1829 гг. имеют различия в трех стихах.³

Обстоятельства создания стихотворения известны из мемуарного очерка А. С. Стурдзы «Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания»: «Однажды, зашедши к Тургеневу, я застал у него молодого Пушкина, в ком Карамзин и Жуковский предузнавали и лелеяли развивающийся высокий дар. Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского, и тут же Пушкин, любясь им, написал следующие к нему стихи, многим уже известные <следует текст>.⁴ Тургенев был вне себя от радости и показывал мне с добродушной гордостью стихи, только что начертанные питомцем Лицея».⁵

П. И. Бартенов связал пушкинское стихотворение с появлением гравюры А. А. Флорова (ок. 1784 — после 1830) по рисунку П. Ф. Соколова (1791–1848), приложенной к № 20 (второму октябрьскому) журнала «Вестник Европы» за 1817 г.⁶ То же мнение впоследствии было высказано В. Е. Якушкиным.⁷ Более вероятным, впрочем, представляется предположение М. А. Цявловского, что речь идет не о портрете Флорова—Соколова, выпущенном в Москве, а о гравюре, выполненной в Петербурге Ф. Вендрамини (1780–1856) с портрета работы О. А. Кипренского (1782–1836).⁸ Этот знаменитый живописный портрет Жуковского принадлежал

---

² См. протокол заседания в архиве ВОЛСНХ, хранящемся в СПбГУ (д. 199, л. 141–141 об.): <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot18.html> (доступ 19.09.2013)

³ Ст. 2 («Пройдет времен в таинственную даль» вместо: «Пройдет веков завистливую даль»), ст. 3 («Услыша их, воспламенится младость» вместо: «И, внемля им, вздохнет о славе младость»), ст. 4 («Безмолвная утешится печаль» вместо: «Утешится безмолвная печаль»).

⁴ Текст стихотворения приводится Стурдзой по печатному источнику и соответствует тексту Ст 1826 и Ст 1829.

⁵ Впервые: Москвитянин. 1851. № 21, кн. 1. Отд. I. Цит. по: «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 52.

⁶ См.: Бартенов П. И. Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии // Московские ведомости. 1855. № 144. 1 дек. (Отд. отг. С. 29). У Бартенева ошибочно указан августовский номер «Вестника Европы».

⁷ См.: АН 1900–29. Т. 2. Примеч. С. 23–24.

⁸ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1: 1799–1826. С. 743.

С. С. Уварову, попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, «арзамасцу», хорошему приятелю Жуковского и А. И. Тургенева. Он был написан Кипренским по заказу Уварова в Петербурге в 1816 г. Гравюра Вендрамини, посвященная художником также Уварову,⁹ выполнена не позднее начала декабря 1817 г., так как в декабре Вендрамини уже представлял ее в Академию художеств на звание академика.¹⁰ Вполне естественно, что именно гравюру Вендрамини сразу по отпечатании должны были принести к Тургеневу, приятелю Уварова и ближайшему другу Жуковского.

В сборнике 1826 г. Пушкин поместил стихотворение в отдел «Эпиграммы и надписи», произведения которого, в отличие от других разделов, в оглавлении книги не были датированы. В сборнике 1829 г. надпись вошла в отдел стихотворений разных годов, также, соответственно, без даты. Во всех изданиях Пушкина, начиная с собрания под редакцией П. В. Анненкова (1855), она датировалась по времени первой публикации — 1818 г. Время публикации, заметим, в данном случае не может служить твердым датирующим признаком, поскольку, как уже было сказано, в течение первого года по окончании Лицея Пушкин своих новых стихотворений в печать не отдавал.

2 июня 1818 г. А. М. Горчаков в письме к Пещуровым из Петербурга сообщал текст пушкинского стихотворения. На основании этого письма М. А. Цявловский предложил узкую датировку: 15 (?) — 31 мая 1818 г. (II, 1136),¹¹ видимо считая, что Горчаков делился с родными только что появившейся литературной новинкой. Верхнюю границу, 15 (?) мая, Цявловский определял по времени возвращения в Петербург А. И. Тургенева, 8 или 9 апреля 1818 г. уехавшего в Москву.¹² В дате возвращения Тургенева Цявловский на несколько дней ошибся: Тургенев вернулся 20 мая.¹³

---

⁹ Надпись под изображением: «Василий Жуковский. / Его Превосходительству / Сергею Семеновичу Уварову. / Посвящает Ф. Вендрамини».

¹⁰ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 2. Стб. 971–972 (Жуковский, № 1). В 1818 г. Вендрамини получил за портрет Жуковского звание академика, см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 1. Стб. 152.

¹¹ См. также: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 154–155.

¹² См. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 7 апреля 1818 г.: «Завтра в ночь или рано поутру послезавтра собираюсь я в Москву...» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 99).

¹³ См. письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 28 мая 1818 г.: «Я возвратился, милый друг и брат, из Москвы 20 сего месяца...» (ИРЛИ, ф. 309, № 384, л. 152).

Датировка Цявловского никак не может быть принята. Письмом Горчакова определяется лишь предельная нижняя граница датировки. Горчаков приехал в Петербург в первых числах мая 1818 г.¹⁴ До этого времени он с момента окончания Лицея с Пушкиным не общался. И осень 1817 г., и зиму—весну 1818 г. Горчаков в Петербурге отсутствовал. Он сообщал родным не только что написанное, а только что узнанное им стихотворение Пушкина. Это обстоятельство было учтено в новом академическом собрании сочинений, где стихотворение датировано мартом или 21—31 мая 1818 г.¹⁵ Заметим, однако, что и здесь комментаторы остались в пределах 1818 г., исключив время болезни Пушкина в начале года (январь—февраль) и время поездки Тургенева в Москву, и традиционно проигнорировали наиболее существенное указание в мемуарном свидетельстве А. С. Стурдзы: «Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского...». Будь то гравюра Флорова при «Вестнике Европы» или гравюра Вендрамини, *новым* портрет Жуковского мог быть для его петербургских знакомых только в ноябре — первых числах декабря 1817 г. Именно к этому времени, когда Пушкин, кстати, постоянно бывал в доме Тургеневых, и следует отнести рассказанный Стурдзой эпизод.

Пушкинское стихотворение при этом, видимо, было вызвано не просто появлением портрета как такового, а своего рода «поэтическим конкурсом» надписей к портрету Жуковского, устроенным Каченовским в «Вестнике Европы» в 1817 г. В 1816 г. в Москве вышли четыре части «Переводов в прозе» Жуковского, изданные «иждивением» редактора «Вестника Европы». В предисловии к первой части издатель писал: «Не прилагаю ни картинок, ни портрета, ни виньетов и надеюсь, что любители слога Жуковского не заметят отсутствия сих внешних украшений». Спустя некоторое время Каченовский изменил свое решение. В № 3 (первом февральском) «Вестника Европы» за 1817 г. было напечатано четверостишие К. Н. Батюшкова «К портрету В. А. Жуковского» («Любимец нежных муз! пред нашею столицей...»),¹⁶ сопровождаемое следующим редакторским примечанием: «Предлагая сию надпись, уведомляем наших читателей, что постараемся и самый портрет приложить к одной из книжек “Вестника Европы” текущего года. По желанию многих почитателей

---

¹⁴ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 1. С. 134.

¹⁵ АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 519.

¹⁶ В журнальной публикации с подписью: К. Б.; с измененной первой строкой («Под знаменем Москвы пред падшею столицей») вошло в «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова (1817).

г-на Жуковского, готовится еще другого формата портрет его для известного собрания “Переводов в прозе”. Не угодно ли будет нашим господам стихотворцам (разумеется, общим приятелям В...я А...а) прислать к нам надпись для другого портрета?»¹⁷ В № 6 (втором мартовском) «Вестника Европы» были помещены «Надписи к портрету В. А. Ж.» В. Л. Пушкина («Он стал известен сам собой...») и Н. Д. Иванчина-Писарева («Красавицы! он вас Людмилами дарил...»). К этому времени портрет для пятой, дополнительной, части «Переводов в прозе» был уже отпечатан — гравюра Флорова по рисунку Соколова, поясной портрет без рук в овале, с четверостишием К. Н. Батюшкова.¹⁸ Портрет, приложенный позднее к № 20 «Вестника Европы», представляет собой вариант этой же гравюры Флорова в большую величину — поясной портрет со сложенными руками, с четверостишием Н. Д. Иванчина-Писарева.¹⁹

Таким образом, в ноябре — начале декабря 1817 г. к Тургеневу в присутствии Пушкина и Стурдзы могли принести либо новый вариант уже известной гравюры Соколова²⁰ со стихотворной надписью Иванчина-Писарева, либо совершенно новую гравюру Вендрамини, где, в отличие от обоих портретов Флорова, не было стихов под изображением. В обоих случаях вполне понятно желание Пушкина предложить свой вариант «надписи к портрету». Заметим, впрочем, что Стурдза характеризует пушкинскую «надпись» как «стихи, многим уже известные». Пушкин, таким образом, не *написал* у Тургенева, а только *записал* в подарок Тургеневу по случаю получения им портрета Жуковского ранее сочиненное стихотворение. Это подтверждает и сохранившийся в бумагах А. И. Тургенева автограф (ПД 877) под заглавием: «Надпись к портрету

---

¹⁷ Вестник Европы. 1817. Ч. 91, № 3. С. 183.

¹⁸ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. Стб. 974 (Жуковский, № 4). В том же 6-м номере «Вестника» в объявлении о книгах, продающихся в университетской книжной лавке, названы: «Переводы в прозе Василия Жуковского. М. 1816—1817 г. в Универ<ситетской> тип<ографии>, в пяти частях, заключающих в себе повести и другие занимательные пиесы, с портретом переводчика» (Вестник Европы. 1817. Ч. 92, № 6. С. 160).

¹⁹ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. Стб. 973 (Жуковский, № 3).

²⁰ Этот портрет, кстати, кажется, не очень высоко ценился современниками. Так, рецензент «Сына отечества» признавал его похожим, но «не слишком хорошо нарисованным и выгравированным» (Сын отечества. 1817. Ч. 37, № 16 (от 21 апреля). С. 155).

Жуковского», подписанный пушкинским «арзамасским» прозвищем «Сверчок», — белой, без единой поправки.

Время создания пушкинского пятистишия «К портрету Жуковского», таким образом, следует определить как середина июня²¹ — ноябрь 1817 г.

2. Псевдопушкинское четверостишие «Там на берегу, где дремлет лес священный...»

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял,
Там часто я бродил уединенный
И вдаль глядел... и милой встречи ждал²².

Четверостишие впервые было напечатано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» в числе отрывков разных лет, извлеченных из рукописей поэта. Начиная с издания 1859 г. под редакцией Г. Н. Геннади это четверостишие входит в собрания сочинений Пушкина. Автограф его неизвестен; единственным источником текста является публикация Анненкова. Тем не менее, поскольку в распоряжении Анненкова были не дошедшие до нас рукописи Пушкина, принадлежность четверостишия Пушкину никогда не ставилась под сомнение. Дискуссионными оставались только его датировка²³ и необходимая конъектура в первом стихе, напечатанном Анненковым с явной ошибкой («Там на берегу, где дремлет лес священный»).²⁴

²¹ Датируется временем после выхода Пушкина из Лицея, поскольку не было известно А. М. Горчакову, не сохранилось в лицейских копиях и не вошло в лицейские рукописные сборники.

²² Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Анн. Т. 1. С. 346.

²³ Начиная с 1880 г. набросок предположительно датировался 1820 г. согласно указанию П. А. Ефремова на вероятную связь его с «юрзуфскими воспоминаниями» поэта (Ефр. 1880. Т. 1. С. 550). В большом академическом издании (III, 1278) датировка расширена до 1820–1826 гг. (то же повторено в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 439) и Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 764)). Б. В. Томашевский предложил датировать набросок 1821–1824 гг. — временем работы Пушкина над «Тавридой» и «Бахчисарайским фонтаном» (см.: Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 3. С. 875. (Б-ка поэта. Большая сер.)).

²⁴ В Генн. 1859 (Т. 1. С. 601) и Генн. 1869–71 (Т. 1. С. 539–540) перепечатан текст Анненкова. В изданиях под редакцией П. А. Ефремова (Ефр. 1880. Т. 1. С. 326; Ефр. 1882. Т. 1. С. 509; Ефр. 1903–05. Т. 1.

Выпавшая из поля зрения исследователей рукопись четверостишия заставляет вернуться к вопросу о его авторстве. Оно записано рукой В. К. Кюхельбекера в тетради его рабочих записей и выписок (ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 17). Запись беловая, без поправок; первый стих читается: «Там на берегу...»; от текста, напечатанного Анненковым, отличается пунктуацией в последнем стихе («И вдаль глядел и милой встречи ждал!»); без подписи. Все начало тетради заполнено рукой Кюхельбекера. Л. 8–15 занимают выписки из поэмы С. А. Шихматова «Петр Великий», сделанные, по всей вероятности, во второй половине 1823 или в 1824 г., когда Кюхельбекер задумал статью об этой поэме.²⁵ Непосредственно за

С. 379) введена конъектура: «На берегу, где дремлет лес священный», принятая также в Мор. 1887 (Т. 1. С. 232) и Мор. 1903–06 (Т. 1. С. 274). Иную конъектуру вслед за Л. Н. Майковым (см.: *Майков Л. Н. Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина*. СПб., 1902. С. 77) сделал В. Е. Якушкин в АН 1900–29 (Т. 2. С. 206): «Там на берегу, где дремлет лес священный». Она же повторена в Венг. (Т. 2. С. 16), где, впрочем, была в примечании оспорена П. О. Морозовым: «Это чтение не может <...> считаться вполне правильным: предположный падеж от слова “берег” будет “на берегѣ”, а не “на берегу”, и этой последней формы мы нигде у Пушкина не встречаем. Грамматически правильной поправкой было бы устранение начального слова: “Там” как явно лишнего» (Там же. С. 556). Замечание Морозова не вполне верно. Форма «на бреге» у Пушкина, действительно, более частотна, но наряду с ней встречается и форма «на берегу» (см.: *Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина*. М., 2000. Т. 1. С. 56): «Я на берегу парнасских вод / Любил марать поэмы, оды...» («<Из письма к А. А. Дельвигу>» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»), 1821); «На берегу замерзлых вод» («И останешься с вопросом...», 1817). Во всех последующих изданиях набросок печатался с конъектурой Л. Н. Майкова и В. Е. Якушкина.

²⁵ О своем увлечении Шихматовым Кюхельбекер писал в недошедшем письме к Пушкину в Одессу в конце 1823 г. См. в письме к нему В. И. Туманского с припиской Пушкина от 11 декабря 1823 г.: «Страшусь раздражить самолюбие приятеля, но, право, и вкус твой несколько очеченился! Охота же тебе читать Шихматова и Библию» (XIII, 81). Над статьей «Разбор поэмы князя Шихматова “Петр Великий”» Кюхельбекер начал работать в период издания «Мнемозины». Уехав в 1825 г. в имение сестры Закуп в Смоленской губернии, он оставил свои бумаги, в том числе, видимо, и тетрадь с выписками из поэмы, в Москве, и в письме к В. Ф. Одоевскому из Закупа от конца марта 1825 г. просил: «Пришли мне Шихматова: 1) “Петра Великого”; 2) “Освобожденную Россию”; 3) “Ночь на размышления”; 4) две его оды на 1812 год и на смерть Кутузова; 5) буде можешь, оду на освящение Казанского собора и 6) забытую

ними на л. 15 об. переписаны стихи «Там на берегу, где дремлет лес священный...». На л. 16–17 — копии двух стихотворений Пушкина рукой С. А. Соболевского: «К Глинке» («Когда среди оргий жизни шумной...») и «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), под заглавием: «Вакхическая песнь».²⁶ Когда они вписывались в тетрадь, они, скорее всего, были отделены от четверостишия какими-то записями: между л. 15 и 16 находятся корешки девяти вырезанных листов. На л. 18 рукой Кюхельбекера выписан отрывок из тюремного стихотворения В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев» — наиболее политически острые девять стихов, с подписью: «Раевский».²⁷ Л. 19–23 заняты текстом статьи Кюхельбекера «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности», переписанной рукой Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского. Статья была написана в декабре 1824 или январе 1825 г., по-видимому, для продолжения «Мнемозины» в 1825 г. Таким образом, предшествующие записи в тетради могут быть датированы 1823 — второй половиной 1824 г. В 1825 г. тетрадь вместе с другими бумагами Кюхельбекера осталась в Москве. Позднее она и еще одна рабочая тетрадь Кюхельбекера с автографами его стихотворений (ПД, ф. 244, оп. 3, № 18) кем-то (Соболевским или Одоевским) были переданы

мною в моих бумагах, сложенных в короб, Эпистолу к юному другу. Пришли, сделай милость, непременно: одна из главных причин, побудивших меня сделаться журналистом, — желание отдать справедливость этому человеку; а с последним № “Мнемозины” мое журнальное поприще — надеюсь на Господа! — навсегда кончено...» (Русская старина. 1904. № 2. С. 381; здесь неверно датировано апрелем—маем 1825 г.; мартовская датировка следует из контекста переписки). Статья была завершена летом 1825 г. и напечатана в петербургском журнале «Сын отечества» (1825. Ч. 102. № 15. С. 257–276; № 16. С. 357–386).

²⁶ Стихотворение к Ф. Н. Глинке было послано Пушкиным брату в письме от конца 1822-го или первых чисел января 1823 г. «Вакхическая песнь» была летом 1822 г. послана в альманахах «Полярная звезда» и напечатана в «Полярной звезде» на 1824 г. под заглавием «Друзьям»; впрочем, копия Соболевского восходит не к тексту альманаха или автографа, посланного в альманах. По-видимому, оба стихотворения были получены Соболевским непосредственно от Л. С. Пушкина и, вероятнее всего, во время их встречи в Москве, куда Л. С. Пушкин приехал 30 июля 1823 г. (см. его записку к Соболевскому от этого числа — ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 333–334).

²⁷ «Оставь другим певцам любовь ~ Не смеет шепотом роптать» (см.: Воспоминания В. Ф. Раевского / Публ. М. К. Азадовского // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 104). Послание распространялось в списках с середины 1823 г.

Пушкину и хранились у него, о чем свидетельствует жандармская нумерация, проставленная при посмертном обыске.²⁸

Если предположить, что в руках Анненкова была какая-то другая, действительно пушкинская, рукопись, то запись в тетради Кюхельбекера надо признать списком стихотворения Пушкина, автограф которого неизвестен, никаких других копий которого не сохранилось и сам факт существования которого не подтверждается ни одним свидетельством. Речь при этом должна идти о завершенном стихотворении, поскольку недоработанные произведения и оставленные в черновиках отрывки в прижизненных копиях не распространяются. Эту версию следует признать совершенно невероятной.²⁹ Если же допустить, что публикация П. В. Анненкова восходит именно к тексту в тетради Кюхельбекера, странным на первый взгляд кажется, что Анненков, прекрасно различавший пушкинскую руку, мог напечатать как пушкинскую рукопись Кюхельбекера. Этому, однако, как раз есть объяснение.

Начинал разбирать пушкинский архив не Павел Васильевич Анненков, а его брат Иван Васильевич. Именно И. В. Анненков был первым читателем пушкинских рукописей. Убеждая брата Павла принять на себя редактуру издания, он писал ему в числе прочего 12 мая 1852 г.: «Успеху предприятия способствовать будут новые, не бывшие в печати сочинения Пушкина. — Твое резкое суждение, что их нет, — несправедливо. Я нашел около 50 стихотворений, достойных печати и от которых Некрасов и Боткин были в восторге, когда я им читал. Найдены они мною в его бумагах; некоторые из них — цельные, а большая часть неоконченных; но

---

²⁸ Девять листов между л. 15 и 16 были вырезаны из первой тетради (ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 17) до посмертного обыска, поскольку жандармская нумерация не нарушается. Тетради Кюхельбекера в какой-то момент находились в руках сестры Пушкина О. С. Павлищевой. Она выписала в свой альбом (ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 77) из первой тетради (ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 17) сатиру «на голос вальса Дюпорова» на Московское Благородное собрание («Московскую смесь / Собирают здесь...»); из второй (ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 18) — несколько стихотворений Кюхельбекера (см.: Мир Пушкина. Т. 3: Семейные предания Пушкиных / Подгот. текста и коммент. Т. И. Краснобородько. СПб., 2003. С. 300, 304).

²⁹ Надо принимать во внимание и то, что Пушкин вообще не посылал Кюхельбекеру своих произведений. Даже стихотворения, напечатанные в «Мнемозине», Кюхельбекер получил не непосредственно от Пушкина. Ни одного сделанного рукой Кюхельбекера списка какого-либо пушкинского стихотворения южного или михайловского периода неизвестно.

как их не включить в новое издание?»³⁰ «Обещанные программы и распределение статей я не посылаю, — писал И. В. Анненков в следующем письме от 19 мая 1852 г., — ибо всю неделю как пивавка сидел за черновыми книгами Пуш<кина>, и, ей-богу, не без успеха. — Напрасно называешь ты это плесенью: ты разуверишь-ся, когда увидишь толстую тетрадь не бывших в печати стихов».³¹ Сохранилась тетрадь, куда И. В. Анненков выписывал «не бывшие в печати» стихотворения Пушкина.³² На л. 129 об. в ней выписано и четверостишие «Там на берегу, где дремлет лес священный...». Рядом на полях — помета И. В. Анненкова, указывающая, откуда им было переписано стихотворение: «М — 8 / Л — 18». Помета расшифровывается так: тетрадь малого формата № 8, лист 18. Она однозначно указывает, что стихотворение было списано И. В. Анненковым с тетради Кюхельбекера ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 17. На верхней крышке переплета этой тетради в четвертую долю листа (то есть малого формата) проставлен № 8. «18» — жандармская помета на л. 16 современной архивной нумерации; в жандармской нумерации, которой пользовался И. В. Анненков, она обозначает разворот л. 15 об. — 16. Под четверостишием, вероятно вызывавшим у И. В. Анненкова определенные сомнения, им сделана помета: «Узнать, Пушкина ли оно?». Если И. В. и П. В. Анненковыми и предпринимались какие-либо специальные разыскания по поводу четверостишия, эти разыскания, надо полагать, не принесли результатов. Во всяком случае, П. В. Анненков включил четверостишие в подборку мелких отрывков, которые он в большинстве своем, по-видимому, напечатал не с оригиналов, а по выпискам И. В. Анненкова и которым отказался «определять <...> порядок и сообщать какую-либо классификацию».³³

---

³⁰ Цит. по: Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники: Избр. труды (1898—1928). СПб., 1999. С. 499. В пример новонайденных им стихотворений Пушкина И. В. Анненков приводил «Два чувства дивно близки нам...» и первые две строфы «Воспоминаний в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...») 1829 г.

³¹ Там же. С. 505.

³² Ее современный архивный шифр: ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 53. Оба стихотворения, цитируемые И. В. Анненковым в письме к П. В. Анненкову от 12 мая 1852 г., также выписаны в эту тетрадь. За указание на рабочие тетради И. В. и П. В. Анненковых сердечно благодарю Т. И. Краснобордюкю.

³³ В письме к брату от 26 августа 1852 г. И. В. Анненков писал: «Я распорядился так: посылаю тебе все пакеты с стихотворениями и мою тетрадь, где я сделал выписку того, что не было в печати: она тебе заменит

Что касается находившихся в бумагах Пушкина двух тетрадей Кюхельбекера, то в 1852 г. они оказались у В. П. Гаевского, определившего руку Кюхельбекера и сделавшего об этом запись на внутренней стороне крышки переплета тетради со стихотворениями. В Пушкинский Дом обе тетради поступили в составе архива Гаевского.

Итак, в основе публикации П. В. Анненкова лежит переписанная И. В. Анненковым рукопись Кюхельбекера, и у нас, таким образом, нет никаких оснований считать стихотворение «Там на берегу, где дремлет лес священный...» пушкинским. Оно должно быть выведено из корпуса пушкинских текстов. При этом безоговорочно признать его стихотворением Кюхельбекера тоже вряд ли возможно. Текст в тетради Кюхельбекера, действительно, производит впечатление «выписки», и вопрос о его настоящем авторе пока остается открытым.

3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

Это шуточное пушкинское четверостишие было сообщено Ф. Ф. Вигелем в мемуарном очерке «Письмо к приятелю в Симбирск», написанном в 1853 г. и напечатанном пять лет спустя, уже после смерти Вигеля, в приложении к книге Н. В. Сушкова «Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и Дружеского общества». «В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, — пишет здесь Вигель, — коей блистательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший

напрасный труд самому рыться в лоскутках» (цит. по: *Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине. С. 506*). П. В. Анненков заказал для своей работы копию с выписок брата. В этой копии (писарской с последующими пометами рукой П. В. Анненкова, И. В. Анненкова и С. А. Соболевского) четверостишие «Там на берегу, где дремлет лес священный...» переписано с теми же топографическими отметками и той же пометой под текстом: «Узнать, Пушкина ли оно?». Стихотворение отчеркнуто по левому полю красным карандашом с пометой: NB (см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 56, л. 69 об.).

знакомый его из Кишинева³⁴ писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем-Телемаком. В ответе вот что между прочим сказал он ему стихами <следует текст>». ³⁵ Из слов Вигеля как будто бы следует, что четверостишие содержалось в ответном письме Пушкина («в ответе <...> сказал он ему стихами»³⁶). Именно так поняли рассказ Вигеля Н. О. Лернер, впервые включивший четверостишие в собрание сочинений Пушкина,³⁷ и другие исследователи — М. А. Цявловский, в собраниях сочинений под своей редакцией, начиная с издания «Красной нивы», датировавший четверостишие февралем — началом марта 1824 г., то есть временем перед приездом Пушкина в Кишинев;³⁸ Н. В. Измайлов, напечатавший его в большом академическом издании с той же датировкой под редакторским заглавием «<Из письма к Вигелю>» (II, 498, 1204); Б. В. Томашевский, повторивший в своем издании данное Измайловым редакторское заглавие.³⁹

В основном мемуарном труде Вигеля, его «Записках», пушкинское четверостишие не упоминается, но сама история приезда Пушкина в Кишинев в марте 1824 г. изложена более подробно и немного по-иному. Вигель сообщает, что писал к Пушкину и «умолял его именем всех женщин, которых любил он в Кишиневе,

---

³⁴ Вигель, разумеется, говорит о себе.

³⁵ *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета... М., 1858. С. 16, 2-я паг. Телемак — герой романа Ф. Фенелона (Fénelon, 1651–1715) «Приключения Телемака» («Les aventures de Télémaque», 1695–1696), сын Одиссея. В первой части романа он после кораблекрушения попадает на остров нимфы Калипсо, которая удерживает его возле себя любовными чарами.

³⁶ Впрочем, здесь вполне может быть просто опечатка. В 1893 г. очерк Вигеля был повторно напечатан в «Русском архиве», где соответствующее место читается: «В ответ <...> сказал он ему стихами» (*Вигель Ф. Ф.* Москва и Петербург. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский архив. 1893. Т. 2, № 8. С. 576).

³⁷ См.: Венг. Т. 6. С. 178—179.

³⁸ См.: КН. Т. 1. С. 385; Т. 2. С. 299; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 521; Т. 2. С. 371; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 541; Т. 2. С. 363; ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 529; Т. 3. С. 509; Acad. в 9 т. Т. 2. С. 400; Т. 3. С. 428; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 608, 789. Пушкин приехал в Кишинев около середины марта 1824 г. и вернулся в Одессу 31 марта или 1 апреля (см.: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина.* СПб., 1999. Т. 1. С. 378, 385).

³⁹ См.: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 378; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 375.

навестить нас».⁴⁰ Из дальнейшего рассказа, однако, следует, что с Калипсо Полихрони Вигель в тот момент еще не был знаком, так что вряд ли мог включать ее в число женщин, именем которых приглашал Пушкина. О гречанке Калипсо, по слухам бывшей возлюбленной Байрона, Вигель услышал от Пушкина уже в Кишиневе. «Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкин представил меня сей деде и ее родительнице, — пишет Вигель. — В нем же самом не заметил я и остатков любовного жара, коим прежде горел он к ней. <...> Не помню, ее ли мне завещал Пушкин, или меня ей, только от наследства я тотчас отказался».⁴¹

Если принять версию «Записок», следует признать, что имя Полихрони едва ли могло фигурировать в переписке Вигеля с Пушкиным до их встречи в Кишиневе и, таким образом, четверостишие «Скучной ролью Телемака...», по-видимому, возникло при нескольких иных обстоятельствах, чем изложенные в очерке «Письмо к приятелю в Симбирск». Между тем стихи, в которых Пушкин отказывается от «скучной роли» возлюбленного Калипсо, вполне согласуются с рассказанным в «Записках» эпизодом шуточной передачи гречанки в «наследство» Вигелю. Вполне вероятно, они и были сказаны именно в этих обстоятельствах, и перед нами не фрагмент несохранившегося пушкинского письма, а запомнившийся Вигелю устный экспромт. Устной природой текста, в частности, вполне объясняется невероятное для Пушкина нарушение размера в последнем стихе.⁴²

Предложенное объяснение, во-первых, несколько меняет датировку четверостишия, сдвигая ее на вторую половину марта 1824 г., время пребывания Пушкина в Кишиневе, во-вторых, ставит его в ряд совершенно определенного рода пушкинских текстов — устных экспромтов, вызванных каким-то конкретным разговором или бытовой ситуацией и случайно сохранных памятью современников. До нас дошло некоторое число таких шуточных стихотворных «реплик» Пушкина. Традиционно они включались в собрания сочинений, хотя история их публикации и представляет достаточно пеструю картину. Ниже мы остановимся лишь на экспромтах, относящихся к лицейскому, петербургскому и южному периодам жизни поэта.

---

⁴⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 6. С. 152; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 224.

⁴¹ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 6. С. 153; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 225.

⁴² С одной стороны, здесь можно предполагать ошибку Вигеля, с другой — следует признать и то, что произнесенный по случаю экспромт не требует безупречного стихосложения.

Начиная с издания Г. Н. Геннади 1859 г. в основной корпус стихотворений Пушкина входил экспромт, приведенный по памяти Я. Н. Толстым в письме к М. Н. Лонгинову от 1 / 13 ноября 1856 г.:

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил — занозил.⁴³

В дополнительном томе подготовленного им собрания Геннади напечатал еще экспромт на саранчу,⁴⁴ сообщенный К. П. Зеленецким со слов одесского сослуживца Пушкина В. Э. Писаренко:

Саранча
Летела, летела,
И села;
Сидела, сидела,
Все съела
И вновь улетела.⁴⁵

В следующем издании Геннади экспромт на саранчу был помещен в примечаниях.⁴⁶ П. А. Ефремов в 1880 г. перенес его в основной корпус, в 1882 г. изменил свое решение, а потом вновь к нему вернулся.⁴⁷ Так же колебался П. О. Морозов,⁴⁸ наконец в примечаниях к третьему тому академического издания в 1912 г.

⁴³ Напечатано М. Н. Лонгиновым в 1857 г. в «Современнике». Я. Н. Толстой рассказывал об одном из заседаний общества «Зеленая лампа» 1819 г.: «Однажды Гнедич читал отрывки из перевода его “Илиады”. В некоторых местах замечали мы шероховатость. Пушкин морщился и зевал. Гнедич, подошед к нему, сказал: “Укажите мне, А<ександр> С<ергеевич>, на те стихи, которые вам не нравятся”. — Пушкин отказывался; Гнедич настаивал, и тогда Пушкин произнес следующий экспромт <следует текст>» (Современник. 1857. № 4. Отд. V. С. 267).

⁴⁴ Генн. 1859. [Т. 7:] Прилож. С. 59, 1-я паг.

⁴⁵ Зеленецкий К. П. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и в Одессе и примечания к описанию Одессы, помещенному в «Евгении Онегине» // Москвитянин. 1854. № 9. Отд. V. С. 11.

⁴⁶ Генн. 1869–71. Т. 1. Примеч. С. XXXV.

⁴⁷ Ефр. 1880. Т. 1. С. 451; ср.: Ефр. 1882. Т. 7. С. 189; Ефр. 1887. Т. 7. С. 192 (здесь в примеч. к письму А. И. Казначееву от начала июня 1824 г.); Ефр. 1903–05. Т. 1. С. 502 (в основном корпусе).

⁴⁸ Мор. 1887. Т. 1. С. 303 (в основном корпусе); ср.: Мор. 1903–06. Т. 1. С. 660 (в примеч. к эпиграмме на Воронцова «Полу-милорд, полу-купец...»).

выразивший свои сомнения относительно этого поэтического текста и указавший на его, вероятно, устную природу.⁴⁹

В 1880 г. П. А. Ефремов включил в готовившееся им издание два лицейских экспромта, приведенные в «Записках о Пушкине» И. И. Пущина и появившиеся в печати в 1858 и 1861 гг.:

Мы недавно от печали,
Пушин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон⁵⁰

и

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет.⁵¹

---

⁴⁹ К. П. Зеленецкий приводил пушкинские стихи как присланные из «командировки на саранчу» «вместо всякого официального донесения», неопределенно замечая: «Подлинник этого оригинального донесения хранится, как мы слышали, в одном из частных архивов. В публике стихи эти передаются изустно во множестве редакций» (*Зеленецкий К. П.* Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и в Одессе... С. 11). П. А. Ефремов интерпретировал указания Зеленецкого так, будто бы стихи были «написаны Пушкиным на “деле о саранче”» (Ефр. 1880. Т. 1. С. 451). П. О. Морозов писал: «К. П. Зеленецкий <...> уверяет, что Пушкин написал стихи о саранче вместо официального отчета о результатах своей командировки; однако в “деле”, где отчетные рапорты военных начальств и командированных чиновников находятся в большом числе, нет донесения Пушкина ни в стихах, ни в прозе. Быть может, Пушкиным и была сказана эта эпиграмма, подхваченная затем одесской молвой и ею “разукрашенная” разными вариантами, — но документальных свидетельств об этом у нас нет, и если стихи все-таки здесь помещаются, то только для того, чтобы отметить факт из биографии поэта» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 374; сам экспромт напечатан в основном корпусе, на с. 210 1-й паг.).

⁵⁰ Пушин рассказывает о лицейской пирушке, для которой Пушкин, Пушин и Малиновский приготовили гоголь-моголь. «По случаю гоголь-моголя, — пишет он, — Пушкин экспромтом сказал в подражание стихам И. И. Дмитриева...» Далее приводится четверостишие. «Остальных строф не помню, — добавляет Пушин, — этому с лишком сорок лет» (*Пушин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 58 (Сер. лит. мемуаров); А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 86—87; Пушин допускает неточность: стихи являются не подражанием И. И. Дмитриеву, а переложением анакреонтической оды Д. В. Давыдова «Мудрость» (1807)). Этот фрагмент вошел в первую русскую публикацию «Записок» 1858 г.

⁵¹ Четверостишие напечатано в 1861 г. в герценовской «Полярной звезде» в составе дополнений к тексту «Записок» Пущина, изданных в России

Эти экспромты (в отличие от экспромтов «С тобою в спор я не вступаю...» и «Саранча...») Ефремов поместил не в основном корпусе, а в примечаниях.⁵² Так, в составе примечаний к разным лицевым стихотворениям четверостишие «Мы недавно от печали...» печаталось и во всех последующих изданиях (П. А. Ефремовым, П. О. Морозовым, Л. Н. Майковым).⁵³ Экспромт «И останешься с вопросом...» в изданиях П. А. Ефремова и Л. Н. Майкова⁵⁴ продолжал печататься в примечаниях, из состава собрания 1887 г. под редакцией П. О. Морозова был исключен,⁵⁵ а в венгерском издании, напротив, помещен в основном корпусе.⁵⁶ В этом издании корпус пушкинских текстов пополнился еще двумя экспромтами — двустишием «Мадам Ризнич с римским носом...»⁵⁷ и четверостишием «Скучной ролью Телемака...».

с цензурными купюрами. Оно было, по воспоминаниям Пушкина, сказано лицеисту Есакову на зимней прогулке в парке у пруда (см.: *Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма.* С. 64; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 92).

⁵² Ефр. 1880. Т. 1. С. 515 («Мы недавно от печали...» в примеч. к лицевому стихотворению «Вода и вино», 1815), 533 («И останешься с вопросом...» в примеч. к стихотворениям «В альбом Иллическому» («Мой друг! неславный я поэт...», 1817) и «В альбом Пушкину» («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...», 1817)).

⁵³ Ефр. 1882. Т. 1. С. 473 (в примеч. к стихотворению «Вода и вино»); Мор. 1887. Т. 1. С. 75 (в примеч. к посланию «К Г<алич>у» («Пускай угрюмый рифмотор...», 1815)); Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 120; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 448; АН 1899. Примеч. С. 147; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 149; Венг. Т. 1. С. 278 (везде в примеч. к стихотворению «Воспоминание. (К Пушкину)» («Помнишь ли, мой брат по чаше...», 1815)).

⁵⁴ Ефр. 1882. Т. 1. С. 493 (так же, как в Ефр. 1880); Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 264; АН 1899. Примеч. С. 397; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 362 (везде в примеч. к стихотворению «На Баболовский дворец» («Прекрасная! пускай восторгом насладится...», 1817)).

⁵⁵ В «Дополнительных библиографических примечаниях» к изданию (Мор. 1887. [Т. 7]. С. LVI) Морозов сообщил, что эта «стихотворная шутка» не приводится им «по совершенной незначительности». Как стихотворение, «переданное только по памяти», экспромт не вошел и в следующее издание под редакцией Морозова, но был приведен им во введении к первому тому (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 3—4).

⁵⁶ Венг. Т. 1. С. 431.

⁵⁷ Венг. Т. 2. С. 260. Это двустишие из пушкинских стихов на некоторых одесских дам, бывших на бале у графа Воронцова. Его вспомнил И. П. Липранди, сообщая об эпиграммах Пушкина, «из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 342).

Все эти тексты вошли в корпус издания под редакцией В. Я. Брюсова. Однако необоснованная дробность предложенной Брюсовым классификации пушкинских текстов, нечеткость и недостаточная мотивированность их разнесения по отделам привели к тому, что и здесь статус экспромтов оказался неодинаков. «Мы недавно от печали...» Брюсов включил в раздел «Эпиграммы, надписи к портретам и др., альбомные экспромты, шутки, мелочи 1814—1817 г.» (в подраздел «Эпиграммы, сообщенные по памяти»); «И останешься с вопросом...» — в раздел «Лицейские стихи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (*dubia*), 1815—1817 г.».⁵⁸ К дубиальным были отнесены также «С тобою в спор я не вступаю...»,⁵⁹ «Саранча...»,⁶⁰ «Скучной ролью Телемака...» и «Мадам Ризнич с римским носом...».⁶¹ Брюсов напечатал еще и эпиграмму на капитана Бороздну «Накажи, святой угодник...», впрочем оговорившись, что считает ее скорее всего не пушкинской.

В следующее издание («Красной нивы», под редакцией М. А. Цявловского) эпиграмма на Бороздну не вошла, но к числу экспромтов прибавилось двустихие «Блажен муж, иже / Сидит к каше ближе», также извлеченное из «Записок» Пушкина.

На распределение материала в первых трех изданиях под редакцией М. А. Цявловского (КН, ГИХЛ 1931, ГИХЛ 1934), видимо, несколько повлияла сохранявшаяся на тот момент некоторая неопределенность понятия «дубиальности». Раздел «*Dubia*» формировался по двум критериям: 1) произведения, относительно которых существуют сомнения в авторстве Пушкина; 2) произведения, относительно которых существуют сомнения в аутентичности дошедшего до нас текста.⁶² В этих трех изданиях все перечисленные выше экс-

---

⁵⁸ Брюс. С. 90, 93.

⁵⁹ Там же. С. 134. Сомнение в авторстве Пушкина ранее было высказано П. А. Ефремовым в его последнем издании (см.: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 125) и Н. О. Лернером. Лернер, не учитывая спонтанность и ситуативность, присущие устному экспромту, рассматривал четверостишие как эпиграмму на Гнедича, которая «не вяжется ни с тем, что мы знаем об отношениях Пушкина к Гнедичу, ни с общеизвестным представлением о блеске и остроумии пушкинской эпиграммы» (см.: Венг. Т. 2. С. 534).

⁶⁰ Брюс. С. 207. Уже в Венг. стихи были напечатаны с редакторским подзаголовком: «Приписывается Пушкину».

⁶¹ Брюс. С. 181, 208.

⁶² Так, в ГИХЛ 1931 и ГИХЛ 1934 к дубиальным были отнесены произведения, принадлежность которых Пушкину в этот момент уже не вызвала сомнений: «Сказки. (Noël)», послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), надпись к портрету Чаадаева «Он вышней волею небес...»,

промты, кроме вообще исключенной эпиграммы на Бороздну, печатались в «Dubia». Начиная с ГИХЛ 1935 дубиальность текста констатировалась только исходя из критерия сомнительного авторства. На этом этапе экспромты вновь оказались перераспределены, причем логика их перераспределения далеко не очевидна: «Мы недавно от печали...», «И останешься с вопросом...», «Саранча...», двустипшие «Мадам Ризнич с римским носом...» и четверостишие «Скучной ролью Телемака...» были перенесены в основной корпус, стихи на Гнедича, «С тобою в спор я не вступаю...», оставлены в «Dubia».⁶³ Третий «пушкинский» экспромт, «Блажен муж, иже...», в ГИХЛ 1935 и Acad. в 9 т. печатался также в «Dubia», а в последующие издания уже не входил.

В Акад. не вошли стихи «Саранча...», а четверостишие «Скучной ролью Телемака...» было выведено в «Dubia». Раздел дубиальных текстов пополнился здесь и впервые введенной в состав собрания сочинений эпиграммой на К. И. Дембровского «Когда смотрю я в зеркало...», известной в печати, впрочем, еще с 1872 г.⁶⁴ Кроме того, М. А. Цявловский включил в издание также эпиграмму на капитана Бороздну, принадлежность которой Пушкину у него, в отличие от Брюсова, сомнений уже не вызывала.⁶⁵

стихотворная записка к Жуковскому «Штабс-капитану, Гёте, Грею...», эпиграмма на Колосову «Все пленяет нас в Эсфири...» и др.

⁶³ Так в ГИХЛ 1935, Acad. в 9 т., ГИХЛ 1936, Acad. в 6 т.

⁶⁴ Приведена в «Записках» П. А. Каратыгина. «Как-то раз, после веселого обеда у Всеволожского, — пишет Каратыгин, — Пушкин вызвал Дембровского написать на него эпиграмму <...> Разумеется, бедный фигурант долго отговаривался от этой чести, но наконец рискнул и написал какую-то пошлость. Пушкин не задумался ответить ему и отпустил в свою очередь на Дембровского злую эпиграмму, которая сильно его переконфузила» (*Каратыгин П. А. Записки: Новое изд. по рукописи. Л., 1930. Т. 1. С. 82*).

⁶⁵ Авторство Пушкина удостоверяется свидетельствами В. П. Горчакова и И. П. Липранди, который, в частности, однозначно указал и на устную природу текста: «Во время пребывания Александра Сергеевича в Кишиневе в Бендерах совершилось несколько приключений, которые не могли не сделать сильное впечатление на его пылкие страсти. <...> Другой капитан, Бороздна, в Бендерах же, в противоположность товарищу своему Сазоновичу, предался содомитству и распространил оное в своей роте. Он также был судим и подвергся наказанию. Происшествие это было поводом к известному четверостишию, экспромтом сказанному Пушкиным <следует текст>» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, ед. хр. 122, л. 172; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 333). Четверостишие, сказанное, судя по всему, в присутствии достаточно большого числа людей (по свидетельству В. П. Горчакова, на квартире генерала П. С. Пушкина — см.: Там же), получило сразу же достаточно большую известность и

В десятитомнике под редакцией Б. В. Томашевского сделано два изменения относительно Акад.: исключен из корпуса экспромт «Мы недавно от печали...»,⁶⁶ а эпиграмма на Бороздну перенесена в «Dubia». В десятитомник Гослитиздата Т. Г. Цявловская ни один из перечисленных выше стихотворных текстов, кроме «И останешься с вопросом...», не включила. Новейшее академическое собрание сочинений Пушкина в части лицейской и петербургской лирики повторило решения Акад.

Очевидная непоследовательность, проявлявшаяся издателями сочинений Пушкина по отношению к его экспромтам, представляется нам неоправданной. С точки зрения авторства нет оснований какие-то из них признавать безусловно пушкинскими, а другие — «дубиальными», как нет оснований безусловно доверять Пушкину или Липранди и ставить под сомнение добросовестность мемуаров Толстого, Вигеля, Каратыгина или с уверенностью утверждать апокрифичность рассказа Писаренко. Аутентичность же текстов, дошедших, как правило, в какой-либо одной поздней мемуарной записи, во всех случаях является заведомо пониженной.⁶⁷ Таким образом, все перечисленные выше стихи, в принципе, обладают одним поэтическим «статусом», и вопрос заключается лишь в том, чтобы этот статус четко обозначить.

Думается, случайно сказанную рифмованную шутку, никогда самим автором не записывавшуюся, да, вероятно, и не запоминавшуюся, следует рассматривать скорее как зафиксированный речевой акт, чем как полноценное сочинение поэта. Из собраний сочинений Пушкина тексты его устных экспромтов могут быть с полным правом исключены или хотя бы (чтобы не порывать с длительной эдиционной традицией) выделены в них в особый раздел.

Е. О. Ларионова

распространялось в списках. По спискам оно было напечатано Н. В. Гербелем (Герб. С. 121) и Н. П. Огаревым в сборнике «Русская потаенная литература» (Лондон, 1861. Отд. I, ч. 1. С. 91). П. И. Бартенев при публикации воспоминаний Липранди в «Русском архиве» в 1866 г. по цензурным соображениям исключил стихи на Бороздну, и Брюсов опирался только на никак документально не подтвержденную публикацию Огарева.

⁶⁶ Напечатан в примечаниях к стихотворению «Воспоминание. (К Пушкину)» (Акад. в 10 т. (1). Т. 1. С. 474; Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 482).

⁶⁷ Текст тех экспромтов, которые изустно передавались современниками Пушкина и еще при его жизни попали на бумагу, как, например, четверостишие на Бороздну, также нельзя признать достаточно авторитетным, поскольку сам Пушкин в их записи и распространении никакого участия не принимал.